

Я скажу это начерно, шопотом,
Потому что ещё не пора:
Достигается потом и опытом
Безотчётного неба игра.

И под временным небом чистилища
Забываем мы часто о том,
Что счастливое небохранилище —
Раздвижной и прижизненный дом.

Это стихотворение неоднократно анализировали, как правило, помещая его в контекст как всего творчества поэта, так и стихов последних лет жизни. Делались выводы, которые я не буду повторять со всеми подробностями, так как они бывали противоположны друг другу по сути. Там и творчество-труд («потом и опытом»), и устроенный быт («прижизненный дом»), и реалии 1937 года («скажу... шопотом»), и моцартианство-сальеризм, и недоверие к полёту воображения («достигается потом и опытом безотчетного неба игра»), и недоверие к небу («под временным небом»), и, наоборот, небо как вечное убежище поэта («счастливое небохранилище»), и проявление «пушкинского закона притяжения сущего», и возрождение духа Данте с его небом-раем, и т. д. и т. п. Характерно, что для доказательства своих выводов все комментаторы привлекают массу других текстов О. Мандельштама, забывая о собственно стихотворении.

Но читатель не обязан знать другие стихи автора, читая конкретное стихотворение. Оно само по себе, своим существованием в пространстве и времени уже образует свой космос, своим словником описывая его полностью, не отсылая читателя к другим стихам («там, мол, я об этом тоже написал, но подробнее — или по-другому, или имея в виду совершенно другое, или ищите разгадку там...»). Иначе получается какая-то ерунда: поэт мыслит о себе как о книге, где собраны все его творения.

Поэтому обратимся непосредственно к тексту, забыв, что мы ещё что-то такое читали у О. Мандельштама.

Металогичность О. Мандельштама отличается от металогичности поэтов-современников. Для многих из них металогичность была средством выразительности в пределах строки или строфы и очень редко — в контексте всего стихотворения. У О. Мандельштама металогичность, как

¹ Анализ стихотворения О. Мандельштама проведён с использованием идей, высказанных в статье «Читаю стихи, или Как читать стихи» — http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=508178

правило, служила замыслу **всего** стихотворения. Я бы сказал, что многие стихотворения О. Мандельштама, особенно в последний год жизни, представляли собой как бы **мегаметафоры**, т. е. понятные лишь в смысле всего произведения. (Термин «мегаметафора» не новый, в другом контексте он встречается в киноведении.) Поэтому если не понять основной поэтический образ всего стихотворения, его мегаметафору, оно останется тайной за семью замками. Какая же тайна скрывается за словами, из которых состоит стихотворение?

Согласно главному Закону поэзии (см. раздел 9 статьи «Читаю стихи, или Как читать стихи»), анализ стихотворения начинаем с анализа его словаря. Сразу бросается в глаза три упоминания слова (или корня) «небо». Могут ли они означать одно и то же при такой краткости стиха? Конечно же, нет. Если бы «небо» нужно было упомянуть в его прямом значении, поэт нашёл бы синонимы.

«Безотчётного *неба* игра». Поэтический троп, который имеет несколько глубинных смыслов. На поверхности — тот, о котором любитель поэзии (не литературовед), не задумываясь, скажет, что речь идёт о вдохновении и связанном с ним воображении (фантазии). Это подсказывает ему не только ассоциации с похожими строчками в русской поэзии, но и устойчивое выражение «игра воображения», незримо присутствующая в строке. А сочетание «безотчётное небо» словно говорит о прихотливой жизни облаков в небе, с которым действительно можно сравнить фантазию поэта.

Но существуют более глубокие смыслы словосочетания «безотчётное небо», и они более важны, чем лежащая на поверхности трактовка. Какое небо никому не даёт отчёта? Только если под этим поэтическим тропом понимается Бог. Дорога к Богу и «достигается потом и опытом» всей жизни. А для поэта «безотчётного неба игра» — это то вдохновение, те строки, которые ему посылает Бог в награду за «пот и опыт» его труда.

«Под временным *небом* чистилища». Небо не бывает временным. Но в чистилище... Христианскую наполненность поэзии О. Мандельштама не сковывали никакие рамки ортодоксального христианства. Но ассоциация с Данте здесь очень слаба, потому что временность у двух поэтов в этом контексте понимается совершенно по-разному. Взглянув на это сочетание как на сложную метафору, как на поэтический образ, мы неизбежно придём к выводу, что речь идет о человеческой жизни на земле. Не она ли определяет вечную жизнь нашей души после смерти? Поэтому поэт и называет её «чистилищем». И тогда становится понятным сочетание «временное небо».

«Счастливого *небохранилище*». Эта строка вместе со следующей, мне кажется, поставила в тупик критиков. Зададимся вопросом: что поэт имеет в виду под «небохранилищем»? И вот она, мегаметафора, которую нам подсказывает следующая строка: «Раздвижной и прижизненный дом». Комментаторы стыдливо (от непонимания образа) первое слово стара-

лись обходить стороной и обычно рассуждали на тему «прижизненный дом» — как о жизни на земле, пусть и в философском смысле, об уютном домике... Это у Мандельштама-то! С его склонностью к безбытности (отсутствию всякого быта)! А слово «раздвижной»-то почему? Он что — японец?

Только **ГЛАЗА** в контексте образа последних двух строк можно назвать «раздвижным и прижизненным домом». В глазах поэта отражается небо: и как посыл для его воображения и вдохновения, и как само по себе, и как место вечной жизни его души после смерти.

После разгадки этой мегаметафоры сразу становятся понятными *все* строки стихотворения.

«Начерно» — потому что жизнь человека на земле лишь черновик будущей вечной жизни.

«Шопотом» — не потому, что на дворе 1937-й, а потому, что о будущей вечной жизни не кричат, а шёпотом молятся, и «потому что ещё не пора», ещё не пришёл последний час, и вдохновение ещё не покинуло поэта, хотя такая сложная металогичность его поэзии «достигается потом и опытом». Известно, как О. Мандельштам сочинял стихи: после первого наброска — это дни и недели погружения в метафорику стихотворения, его звуковую стихию, постоянное проговаривание стихов вслух и вполголоса, где бы ни был поэт.

Но как «забываем мы часто о том», что наша будущая вечная жизнь в наших руках, только пока мы живы («прижизненный»).

Дополняя анализ стихотворения, скажем, что теперь становятся понятны некоторые поэтические тропы «Стихов о неизвестном солдате» (написанных в эти же дни), где глаза уже мертвых людей и мёртвого поэта называются иначе, а для глаз живого, но уже умирающего человека также используется образ «своего дома» («глаза» в этом стихотворении также основная мегаметафора):

До чего эти звёзды изветливы!
Всё им нужно глядеть — для чего?
В осужденье судьи и свидетеля,
В океан без окна, вещество.

...

Аравийское месиво, крошево,
Свет размолотых в луч скоростей,
*И своими косыми подошвами
Луч стоит на сетчатке моей.*

...

До того ль должен череп развиться
Во весь лоб — от виска до виска, —
Чтоб в его дорогие глазницы
Не могли не вливаться войска?

...

Ясность ясеневая, зоркость яворовая
Чуть-чуть красная мчится в свой дом,
Словно обмороками затоваривая
Оба неба с их тусклым огнём.

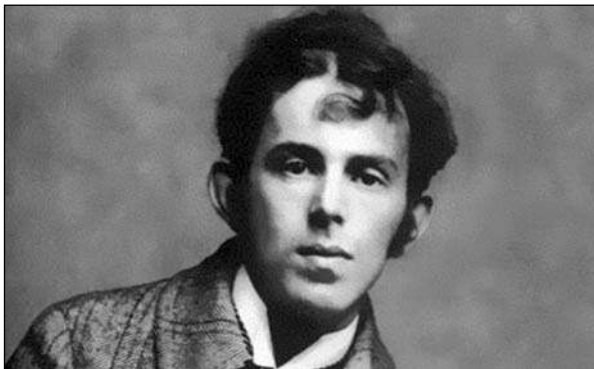
...

Для того ль заготовлена тара
Обаянья в пространстве пустом,
Чтобы белые звёзды обратно
Чуть-чуть красные мчались в свой дом?

...

Когда возникает необходимость искать в стихах мегаметафору? До О. Мандельштама этот приём практически отсутствовал в русской поэзии, потому что все слова, все поэтические тропы, все затейливые развития сюжета в стихах можно было понять и объяснить. Но когда у поэта, про которого уж точно знаешь, что он просто так ни одного слова не напишет и не поставит лишней запятой (и, как следует из моей статьи, так вначале нужно думать о любом авторе стихотворного текста), вдруг обнаруживаются в тексте слова, появление которых трудно объяснить, даже обратившись ко всей его поэзии и к фактам из его жизни (что в принципе читателю делать не пристало), тогда время задуматься о присутствии мегаметафоры.

То же самое, когда автор незнакомый, когда всё в порядке и вроде по правилам, а текст совершенно непонятный. Нужно попытаться найти эту мегаметафору, исходя из всего своего читательского опыта. Потому что чтение стихов — не простое удовольствие, это — труд души и ума.

Осип Мандельштам